

С. АУСЛЕНДЕР

Н. Гумилев. Жемчуга.

Книга стихов. Изд. «Скорпион».
Москва, 1910, с. 167. Ц. 1 р. 50 к.

Посвящая свою книгу Валерию Брюсову, Гумилев называет его «учителем». И это не только поза почтительности перед величайшим из современников, нашим поэтом. С горделивой радостью несет звание «ученика» Гумилев, требуя и от других («Письма о русской поэзии», «Аполлон») отношения к мастерству строгого и серьезного.

В опасные битвы приходилось вступать первым поэтам-модернистам, приходилось отказываться от всякой связи со старым, чтобы тверже и яснее выявить новое. Но в настоящее время, когда многое уже достигнуто, когда внешние победы выдвигают новые опасности: опасность успокоения (в тысячный раз повторяют готовые клише десятки поэтов-подражателей), или опасность бесформенных порывов, фальшивого горения (стремление гореть во что бы то ни стало многих уже погубило, далеко не бездарных поэтов), все это — новый лозунг спокойного и взыскательного ученичества делает единственно спасительным.

Не изменить ни одному слову великих, тайных заветов; долгой, упорной работой добиться твердости и верности руки, чтобы каждый удар шпаги был не только проявлением природной смелости и ловкости, но и сложным, благородным искусством, — таковы законы рыцарства, когда оно становится *великим цехом*.

С сознательной настойчивостью учится Гумилев, не внешне подрастая, а проникая в тайну творчества поэта, избранного им себе в учителя.

Опровергая ходячие упрёки в мертвенном академизме, который будто бы заедает души тех молодых поэтов, которые полагают, что мало одной талантливости, одного порыва, что совершен-

ство формы не менее важно, чем значительность содержания, опровергая эти упреки, продиктованные часто просто самоуверенной невежественностью, книга Гумилева не является упражнением в стихосложении талантливого и прилежного ученика. «Жемчуга» — уже книга поэта.

Юношеское целомудрие, скромность ученика, быть может, не всегда позволяют Гумилеву быть вполне свободным, все последние тайны души отдавать своим строкам.

Этот молодой рыцарь является на турнир еще с лицом, закрытым забралом.

Поэтому-то так старательно каждую мысль, каждое переживание окутывает он точными описаниями пыльных картин веков прошедших, стран далеких, фантастических, к которым постоянно влечется его воображение романтика. Поэтому-то в поэзии Гумилева так резко звучат лирические признания поэта и почти каждое стихотворение представляет как бы маленькую поэму, в которой с брусовской четкостью и строгой логичностью ведется стройное повествование.

Но не мертвы все эти прихотливые фигуры: Адама, Дон Жуана, Семирамиды. Холодный мрамор одухотворен ваятелем. Душу современного поэта почувствует внимательный читатель, по осторожным намекам угадает лицо рыцаря, хотя и скрытое медью забрала.

Печальным и суровым даже в нежности представляется этот рыцарь. Любовь для него не награда за подвиг, а новый подвиг, новый смертельный поединок.

Это было не раз, это будет не раз
 В нашей битве, глухой и упорной:
 Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
 Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
 Враг мой, схваченный темной любовью,
 Если стоны любви будут стонами мук,
 Поцелуи — окрашены кровью¹.

В этом коротеньком стихотворении, кажется, единственный раз приподнимает рыцарь на минуту забрало и потом опять в путь, через все столетия, через все страны в разных масках, разных одеждах, но всегда с той же жестокой безнадежностью. Недаром даже веселое, разгульное «Путешествие в Китай» кончается неожиданной строкой: «Только в Китае мы якорь бросим, хоть на пути и встретим смерть!»

Может быть, этот образ — только юношеские мечтания, может быть, влияние Брюсова, которого так часто привлекают темы «жестоких людей», сказалось в самом сознании его, но такова воля поэта и, благодаря ей, «Жемчуга» приобретают целостность и стройность единого центрального замысла, который должен быть у всякой истинной книги поэта.

